

Е.Н. Черноземова

**ДОКТОР ФАУСТ ПО-АНГЛИЙСКИ:
АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА МЕРЛИНА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА**

В статье прослеживается «ход конем» (по Ю. Тынянову) в развитии образа немецкого Фауста от немецких народных книг к Гёте через развитие фаустианских мотивов в английской литературно-художественной традиции; сопоставляются образы Фауста и Мерлина и функции образа Мерлина в «Космической трилогии» К.С. Льюиса.

испытание человека Знанием. репетиции. функции образа, восприятие иноязычной культуры
© Черноземова Е.Н., 2013 166.

Центральной проблемой, связанной с образом Фауста, является *испытание человека Знанием*. Ей сопутствуют темы выявления достойных способов обретения знания и определения граней, которые на этом пути переступать не следует. Образ немецкого персонажа оказал огромное влияние на развитие английской литературы, попав в поле видения выдающегося драматурга XVI века Кристофера Марло, который введением этого сильного и страстного характера в структуру моралите вывел жанр на качественно новый уровень, дав начало развитию жанра высокой трагедии Возрождения. Центральный персонаж «Трагической истории доктора Фауста», созданной Марло, стал одним из первых драматических персонажей, способных самостоятельно принимать решения, касающиеся собственной судьбы – он сам руководит силами тьмы и сам в финале выносит себе приговор под призывы светлых и темных ангелов, стремящихся в духе моралите склонить его к тому или иному решению. Действующий по логике эпохи Возрождения Фауст Марло в финале пьесы оказывается в тисках средневекового жанра, заставляющего действовать в логике средневековой культуры, а именно: в предсмертный час с глаз человека спадает пелена, он видит мир в истинном свете, ясно различает добро и зло и, успев в предсмертное мгновение произнести слова раскаяния, обретает Царствие Небесное. Но оставаясь носителем представлений о достоинстве нового времени, английский Фауст если и не оказывается победителем в общении с силами тьмы, то все же и не доставляет им радости распорядиться судьбой своей души, сам вынося себе приговор и осуждая себя за то, что не смог достойно распорядиться открывшимися ему необычными возможностями, не смог, как мечтал в начале пьесы, оградить страну медной стеной, одеть в шелка студентов и направить средства на развитие науки. Происходит это в 1587 году, то есть в год выхода в Германии книги И. Шписа о Фаусте, в тот же год переведенной на английский язык. Книга И. Шписа – это первая литературная обработка легенды о Фаусте, так называемая «народная книга». Такая почти одномоментность литературно-художественных событий доказывает актуальность затрагиваемых в легендах о Фаусте проблем для конца XVI века и готовность английской культуры к их восприятию.

Английская культура и сознание были готовы к восприятию и освоению заложенных в книге о Фаусте мотивов и имели веские предпосылки для активной их

рецепции, переработки и трансформации. Сюжет для англичан оказался актуальным также и потому, что астрология и магия всерьез занимали университетские умы. Астрологи и маги наводняли страну. К могуществу придворного мага и астролога Джона Дии (1527–1608) с опаской относились многие, может быть, и сама королева. Он был одним из известнейших астрологов эпохи. Откликом на эту фигуру в XX веке стали романы Густава Майринка (1868–1932) «Ангел западного окна» («Der Engel vom westlichen Fenster», 1927) и Питера Акройда «Дом доктора Ди» («*The House of Doctor Dee*», 1993, пер. В. Бабкова, 1995).

Готовность английской культуры последней трети XVI века к восприятию немецкого источника выразилась и в том, что в год перевода книги И. Шписа (1587) в Англии появляется пьеса, соотносимая с фаустовскими темами, разрабатывающая те же мотивы. Это написанная Робертом Грином «Достойнейшая история монаха Бэкона и монаха Банги» («Honourable Historie of Frier Bacon and Frier Bongay», 1587, первое представление 1594). Вынесенное в название слово *frier* (брат, монах) ориентировало на то, что прототипом героя пьесы был средневековый английский ученый, философ и естествоиспытатель Роджер Бэкон (1210/14 – после 1292), который принадлежал к ордену францисканцев. По обвинению в занятиях черной магией он на время был отстранен от преподавания в Оксфорде и находился в заточении за ответное обвинение церковников в невежестве и порочности. Эта фигура была равновелика немецкому Фаусту, сопоставима с ним и ему противопоставляема. В пьесе Роберта Грина есть сцена, которую можно сравнить с хрестоматийной сценой из Фауста, когда он с помощью Мефистофеля при дворе германского императора являет по желанию последнего дух Александра Македонского. У Роберта Грина в сцене при дворе проходит поединок двух магов в присутствии двух монархов – английского короля и германского императора. Англию представляет монах Банги, Германию – чародей Вандермаст. Именно Бэкон одерживает победу над немецким чародеем, вовремя вмешиваясь и помогая в поединке с ним своему коллеге из Оксфорда. В отличие от Фауста Марло Бэкон Грина одерживает победу над собой задолго до смертного часа: обладая огромным могуществом, он находит в себе силы отказаться от обращения к чарам тьмы и от занятия магией, разбивает волшебное зеркало и предсказывает приход на престол славной королевы, правление которой принесет стране мир и благоденствие.

В финальном монологе пьесы Бэкон напоминает, что живет в Англии – стране ангелов. Такой финал можно соотнести с тем, что появится в шекспировской «Буре» двумя десятилетиями позже, жанр которой обычно причисляют к «последним пьесам Шекспира», отмечая наличие жанровых смешений и плотных взаимодействий высоких комедий и трагедий Возрождения. Повелевающий духами Просперо в финале отказывается от жезла могущества и книг тайных знаний, отправляясь с острова духов в мир людей.

Отметим, что, помимо пьесы Р. Грина, в английской культуре была прозаическая книга «Знаменитая история брата Бэкона» («*The Famous Histo-*

rie of Fryer Bacon»¹), жанр которой определяют как romance. Книга хранится в Британском музее и относится приблизительно к 1555 году, то есть создана за 30 лет до появления книги И. Шписа о Фаусте. Сюжет поединка с Вандермастом не только содержится в этой книге, но вынесен в полное ее название. Герой английского повествования был любим народом, его не страшились, как Фауста из народных немецких книг: в тексте неоднократно говорится, что он никогда ни для кого не жалел своего искусства («he being no niggard of his cunning») и приносил радость самым разным людям («he had pleased divers kindes of people»²). Этот мотив народной любви скажется через два столетия в Германии и будет развит в «Фаусте» Гёте через народную признательность Фаусту при встрече с ним в Пасхальный день за ученость и помощь во время эпидемии чумы. В финале «Фауста» Гёте скажутся и мотивы победы человеческого духа над силами тьмы, присутствующие в английских произведениях с фаустианскими темами.

Такое взаимообогащение двух национальных культур в развитии связанных с одним и тем же образом мотивов служит по Ю.Н. Тынянову примером «хода конем», который наблюдается в непрямом развитии литературного процесса: усложнения связанных с образом мотивов и тем через традиции другой культуры.

Серьезную и более глубинную основу готовности английской культуры к восприятию образа Фауста создавало наличие еще одного более древнего собственного национального персонажа, которому приписывалось столь искусное владение магией, что народное сознание приравнивало его к волшебникам. Именно на преданиях, как и немецкие истории о Фаусте, были основаны валлийские легенды, связанные с фигурой Мерлина. Ряд преданий был записан монахом Северного Уэльса Нанниусом в «Historia Brittonum» между 800 и 820 годами, в частности, история о драконах и подземном озере, связанная с первым известным предсказанием молодого мага Амброзиуса. В XII веке легенды о Мерлине были запечатлены в «Пророчестве Мерлина» («Prophetiae Merlini», до 1135) Гальфридом Монмутским и в созданной им же десятилетием спустя «Жизни Мерлина» («Vita Merlini», между 1149 и 1151 годами). Поскольку Гальфрид писал на латыни, его произведения стали широко известны в Европе. В памятниках, созданных Гальфридом Монмутским, запечатлены основные мотивы, связанные с образом Мерлина, к имени которого автор добавляет имя Амброзиус сведения о его происхождении (от темного демона), обретении тайного знания от знающего учителя, причастности к тайне рождения и воспитанию короля Артура. Знания и возможности Мерлина, как и Фауста, внушали окружающим благоговейный ужас.

Мерлин, как и английский Фауст, активно привлекает внимание авторов XX века. По подсчетам специалистов, только во второй половине XX века ху-

---

¹ The Famous Historie of Fryer Bacon, containing the wonderfull things that he did in his Life: Also the manner of his Death; With the Lives and Deaths of the two Coniurers, Bungye and Vandermast // Minor Elizabethan Drama — The Pre-Shakespearean Comedies / ed. by Ashley Thorndike.

² Английский текст приводится в соответствии с орфографией XVI века.

дожественных произведений, связанных с артурианой и Мерлином, создано около полутора сотен.

На рубеже XIX–XX веков Мерлин был привлекателен для пародирования. Например, М. Твенем в 1889 году он был представлен «некогда влиятельным ретроградом, всеми силами противящимся техническому прогрессу»³, скорее претендующим на особую роль многознающего мудреца, чем в действительности обладающего неограниченным знанием человеком. Сатирический подход к разработке образа развит в XX веке в тетралогии Теренса Хэнбери Уайта «Король былого и грядущего» («The Once and Future King», 1938–1958).

Для середины и второй половины XX века характерен иной круг вопросов, связанных с образом Мерлина: ответственность ученого за плоды своего труда, исследование личных качеств человека, стремящегося к сверхзнанию, и самой природы сверхзнания.

В британской литературе второй половины XX века есть две тенденции в освоении и использовании легендарного образа Мерлина. Первая тенденция: введение сложившегося образа в культурное пространство XX века в целях художественного эксперимента по выявлению того, что станет делать Мерлин, как себя поведет, попав в ситуацию XX века, столкнувшись с его проблемами, в частности с проблемой меркантилизации сознания. Такой художественный эксперимент является повторением сервантесовского хода: переместить персонаж из органичной для него среды рыцарского романа в иную жанровую ситуацию. Вторая тенденция: художественное исследование того, как складывался образ, почему молва наделила человека сверхспособностями и сверхзнанием.

Одним из самых своеобразных примеров первой тенденции стало использование образа Мерлина в «Космической трилогии» К.С. Льюиса, а именно в третьем романе трилогии «Мерзейшая мощь» («That Hideous Strength», 1946; *hideous* – отвратительный, омерзительный, страшный, ужасный; такой силой в романе становится безудержное стремление к обогащению дельцов от науки). В этом романе Мерлин – один из существенных двигателей сюжета. Пример проявления второй тенденции – пенталогия Мери Стюарт (р. 1916), которая создавалась на протяжении четверти века с 1970 по 1995 год и включает романы «Хрустальный грот» (другой перевод С. Фролова «Кристалльный грот», «The Cristal Cave», 1970), «Полые холмы» («The Hollow Hills», 1973) «Последнее волшебство» («The Last Enchantment», 1979), «День гнева» («The Wicked Day», 1983), «Принц и паломница» («The Prince and the Pilgrim», 1995).

Перед тем как более подробно рассмотреть функции образа Мерлина в названных произведениях, обратимся к вопросу о том, почему XX век дает богатый отклик на артуровскую проблематику и комплекс мотивов, связанных с Мерлином. Одной из причин такого внимания исследователи называют интерес к национальным истокам как реакцию на американизацию культурного пространства. Но не менее очевидны и такие причины, как интерес читающей публики к романтизиро-

---

³Ладыгина О.М. Легенды о короле Артуре и мифотворчество XX века. М. : Полярная звезда, 2000. С. 45–63.

ванной героике, при этом не обязательно военной, но и нравственной, интерес к комплексу проблем, связанных с образованием, научными открытиями и природой знания, и интерес к реабилитации интуитивного метода познания, внимание к скрытым возможностям человека, требование признания роли озарений и прозрений в научном творчестве и работе ученого. Необходимость и актуальность такого требования является реакцией на достигнутые позитивистами критерии научности, опирающиеся на строгое соблюдение принципа повторяемости и воспроизводимости научного факта в лабораторном опыте. И, наконец, возрастающий интерес к сакральному и мистическому, в котором проявляется магическая сущность долларовой цивилизации, приписывающей деньгам, богатству, роскоши мистические свойства, механизм которых научно обосновывается экономистами (деньги умножают себя), утверждается в массовом сознании (деньги могут все), исследуется средствами искусства (шекспировские монологи о всемогуществе денег, использованные в качестве иллюстраций Марксом в «Капитале»). Уверовав в магию денег, человечество строит многие отношения на магической основе, причем на разных уровнях, в том числе и научно. К примеру, стремясь использовать слово для манипуляции сознанием, оно разрабатывает методы нейролингвистического программирования, тем самым проявляя интерес, развивая и прибегая к магическим практикам. На полках книжных магазинов в свободном доступе оказываются книги «Как заставить людей поступать по-вашему», «Популярно о гипнозе».

Чтобы заставить выслушать себя, быть прочитанным, авторам приходится идти на коммерческие трюки. Широко известны бестселлеры, прекрасно сочетающие сюжетную увлекательность с глубинными познаниями авторов. Но есть произведения, авторы которых так искусно ведут игру по смене масок и функций повествователя, что природу их текста определить становится затруднительно. К их числу относятся книги Дугласа Монро «Двадцать один урок Мерлина» («The 21 lessons of Merlin», 1993) и «Утерянные книги Мерлина» («Jaz lost books Merlin», 1998), основанные, по утверждению автора, на тщательном изучении валлийских преданий, редких рукописей из частных коллекций, публичных и университетских библиотек Кардиффа, Оксфорда, Лондона и Дублина, и в то же время выстроенные как свидетельства ученика Мерлина, которого автор называет «последним из великих друидов, личностью, являющей собой кульминацию мистического прошлого Британии». «Тщательность» изучения источников, названных в книге, при более пристальном рассмотрении оказывается в ряде случаев мистификацией или не существующих вовсе, что вполне приемлемо в качестве литературно-художественного хода. Но художественной занимательностью, созданием эффекта сопричастности к тайнам друидов дело не ограничивается. Книга содержит огромное количество информации по изотерической практике, что выводит ее из ряда собственно художественных произведений и вводит в разряд пособий по самообразованию или самосовершенствованию. Само по себе это не безопасно, как и методы нейролингвистического программирования, попавшие в руки «мастеров», использующих их в сомнительных целях.

В каждом уроке книги Дугласа Монро есть магическое упражнение, «инструмент открытия» мест силы, которые, по мысли автора, передвинулись в другой план

реальности, но все еще существуют. Эти упражнения, по его утверждению, помогут читателю в построении «линий связи» со специфическим архетипным миром, с которым можно установить контакт, открывая двери в абсолютно новые сферы ощущений и прозрений. В анонсе второй книги «Утерянные книги Мерлина» Дуглас Монро поясняет, что это необходимо «для пробуждения и восстановления связей между сознанием человечества и незримой реальностью – связей, от которых зависят существование, равновесие и жизнь этой планеты»⁴.

Дуглас Монро, в отличие от авторов книг по нейролингвистическому программированию и популярно изложенной практике гипноза, делает акцент на внутренних качествах человека, стремящегося проникнуть в мир неизведанного на нерушимых законах братства друидов. В числе великих незбылемых Тριάд он называет «Три Причины, по которым происходит исключение из рядов друидов: за убийство или подстрекательство к войне, за обман, за несохранение доверенной тайны. Три Тайны, которые должен хранить бард: губительную правду, позор товарища, секреты друидов; Три Основы Мастерства друидов: Знать, Сметь, Хранить молчание»⁵.

Интересно, что такие связи с представителями мира инобытия удастся построить персонажам «Космической трилогии» К.С. Льюиса и третьего романа трилогии Д. Монро «Мерзейшая мощь» и с их помощью вызволить, освободить от волшебного сна самого Мерлина. К.С. Льюис в отличие от Дугласа Монро показывает, к каким последствиям могут привести подобные прорывы, если проникновение в мир потустороннего совершают дельцы от науки, вовсе не обладающие теми высотами духа, которые требуются от друида, и желающие лишь воспользоваться неограниченным знанием Мерлина ради своих корыстных целей. Но Мерлин в пространстве романа, созданного на сочетании основ научной фантастики, богословия и фэнтези, проявляет качества, присущие герою рыцарского романа: им невозможно манипулировать, сломить его волю, заставить действовать по указке. (Заметим, что персонажи романа подчеркивают внешнее сходство Мэрлина с русским священником⁶).

Рассказать о проблемах человечества XX века воспрывшему от многовекового сна Мерлину предстоит ученому-филологу Рэнсому, персонажу с узнаваемыми чертами ученого XX века, обладающему достаточно стойкими нравственными устоями и не подозревавшему до времени о возможностях собственной внутренней силы. Прошедшему испытания в пространстве двух первых романов трилогии на нравственную мудрость и чистоту, открывшему для себя населенность космоса, законы космической иерархии и оторванность испорченной падшим ангелом Земли от единой жизни Космоса, Рэнсому нужно выступить в роли учителя для мудреца Мерлина и поведать о происходящем на Земле тому, кто видел «знамя Пречистой над тяжкою конницей бриттов, римлян и светловолосых варваров», тому, кто готов

---

⁴ Monroe D. The 21 Lessons of Merlyn: A Study in Druid Magic and Lore // Утерянные книги Мерлина.

⁵ Монро Д. 21 урок Мерлина.

⁶ Мерзейшая мощь : пер с англ. Гл. 13 : Они обрушили на себя небо. С. 677–678. URL : <http://lib.aldebaran.ru>

искать спасение от бед испорченного Запада на Востоке, за Византией, в Вавилоне и Аравии. В концепции К. Льюиса Мерлин быстро разбирается в ситуации и насыпает на корыстолюбцев «проклятие Вавилонской башни», заключающееся в том, что одно и то же каждый из них слышит по-разному. Они перестают понимать друг друга. Наступивший хаос Мерлин сопровождает ликующим возгласом: «Кто Слово Божье презрит, утратит и слово человеческое!» Эта реплика отсылает к идеям мильтоновского «Потерянного рая», в котором падшие ангелы, поставившие Божественное Слово на службу злу, караются превращением в бессловесных тварей. Отметим, что на тех, кто признает величие космических иерархов, «проклятие Вавилонской башни» не действует.

Преподававший богословие в Оксфорде К. Льюис исследует вопрос, изначально связанный с образом Фауста (о способах обретения знания, о возможности или невозможности заигрывания с потусторонними силами), и неоднократно подчеркивает, что знание дается по степени готовности сознания. Прорыв жаждущего знаний к космическим иерархам помимо их великой воли ведет к несчастью дерзнувшего. Мерлин констатирует: «...собственной злой волей они ворвались туда, к нездешним силам... Они пришли к богам, которые не шли к ним, и обрушили на себя небо»⁷. Неготовое сознание использует знание во вред, за что терпит наказание.

В романе К.С. Льюиса исследуется проблема существования ученого в мире наживы и корыстных предпринимательских инициатив: польстится ли ученый на посулы в быстром карьерном росте ценой предательства своего призвания, направит ли результаты исследований на обретение личного обогащения, пренебрегая всеми этическими нормами, или станет отстаивать человеческое достоинство, свое, своего окружения, честь своей науки и своей страны.

Беседы глубокого и чистого душой Ренсома с Мерлином придают роману помимо научно-фантастического и богословского характера еще и оттенки философской и исторической прозы. В этих беседах выявляется важное, глубоко нравственное знание, связанное с представлением о двух Англиях: Англии торговцев и Англии поэтов – хранителей знания и Слова. В них актуализируются знания о древнем Логрисе – королевстве легендарного Артура как хранилище великих тайн. С ним связаны размышления о неизбежных трансформациях входящих до землян знаний, сведений и фактов, но при этом неизменно сохраняющейся духовной сущности передаваемой информации. Рэнсом выявляет глубинные связи древнего и современного знания: «Началось это, когда мы открыли, что все легенды об Артуре исторически достоверны. Однажды, в IV веке существовало явно то, что всегда существует тайно. Мы называем это Логрским королевством <...> мы... увидели по-новому историю Англии, и поняли, что она – двойная. Есть Британия, а в ней внутри – Логрис. Рядом с Артуром – Мордред; рядом с Мильтоном – Кромвель; народ поэтов – и народ торговцев; страна сэра Филиппа Сидни («алмазный король». – Е.Ч.)⁸, Сесила Родса (основатель корпо-

---

⁷ Мерзейшая мощь. С. 108.

⁸ Сесиль Джон Родс (1853–1902) – политический деятель, бизнесмен, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке.

рации «Де Бирс». – Е.Ч.). Это не лицемерие, это – борьба Британии и Логриса. <...> Забывший о Логрисе сползает в Британию»⁹. В этих же гипотетических беседах ученого-филолога XX века с Мерлином рождается прояснение и осознание универсальности проблемы и задачи сохранения многообразия культур и языков, каждая из которых идет своим путем в поиске истины: «Да, не мы одни такие. Каждый народ – двойной. Англия – не избранница, избранных народов нет, это чепуха... Общие правила поведения – лишь грамматика добра, а не *живой язык*» (выделено мною. – Е.Ч.). Автор подводит к выводу о том, что для очищения планеты важно возрождение глубинных смыслов культур и языков каждого народа, только в совокупности они могут составить живой язык планеты, живую этику воскресения, ведущую к объединению Земли с живыми силами Вселенной. В увлекательную приключенческо-детективную форму К. Льюис вводит глубочайшие рассуждения о смысле жизни и неутрачивающей борьбе за утверждение истины: «Нет на свете двух одинаковых травинки, тем более – двух одинаковых святых, двух ангелов, двух народов. Весь труд исцеления Земли зависит от того, раздуем ли мы искру, воплотим ли призрак, едва мерцающий в каждом народе. Искры эти, призраки эти – разные. Когда Логрис поистине победит Британию, когда дивная ясность разума воцарится во Франции – что ж, тогда придет весна. Пока же наш удел – Логрис. Мы сразили сейчас Британию, но никто не знает, долго ли это продлится. Эджстоу не восстанет из праха после этой ночи. Но будут другие Эджстоу»¹⁰.

Так у К.С. Льюиса фаустианские мотивы оказываются связанными с поиском истины и места человека в мире, вопросами гражданской смелости ученого, его ответственности за свой выбор, а также с художественным исследованием того, что в работах теоретиков, научно изучающих этнокультурные процессы, складывается в *теорию внутриэтнического конфликта* и самоструктурирования этноса, вскрывающую механизмы функционирования их развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Анисимов, А.Б. Философия истории и жанровый синтетизм артуровской пенталогии Мэри Стюарт [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2007. – 219 с.
2. Козлова, Г.А. Легендарно-историческая тетралогия Мэри Стюарт [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
3. Королев, К. Мифология Британских островов [Текст] : энциклопедия. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 640 с.
4. Ладыгина, О.М. Легенды о короле Артуре и мифотворчество XX века [Текст]. – М. : Полярная звезда, 2000. – С. 45–63.
5. Михайлов, А.Д. Книга Гальфрида Монмутского и её судьба [Текст] // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с англ. А.С. Бобович, С.А. Ошерев. – М. : Наука, 1984.

---

⁹ Мерзейшая мощь. С. 134–135.

¹⁰ Lewis C.S. That Hideous Strength. URL : <http://www.litmir.net/br/?b=112362&p=12>

6. Попова, М.К. Полилог древних цивилизаций Британских островов в трилогии М. Стюарт «Жизнь Мерлина» [Текст] // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации : материалы школы-семинара. – Воронеж, 2001. – С. 58–64.
7. Попова, М.К. Тема истории в английской литературе после 1945 года [Текст] : курс лекций. – Липецк. 2005.
8. Русакова, А.В. Томас Манн [Текст]. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1975. – 184 с.
9. Струкова, Т.Г. Национальная идентичность и постмодернистский дискурс [Текст] // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации : материалы школы-семинара. – Воронеж, 2001. – Т. 1. – С. 109–121.
10. Ширяева, Ж.Л. Легенда о короле Артуре в английском романе XX века на материале романов Т. Уайта и М. Стюарт [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
11. Barczewski, S. Myth and National Identity in 19th century Britain: the Legends of King Arthur and Robin Hood [Text]. – Oxford : University Press, 2000. – 251 p.
12. Lewis, C.S. That Hideous Strength [Electronic resource]. – Access : <http://www.litmir.net/br/?b=112362&p=12>
13. Reid, H. Arthur the Dragon King: The Barberic Roots of Britain's Greatest Legend [Text]. – L. : Headline, 2001. – 174 p.
14. Mary, S. The Crystal Cave. Merlin 1 [Electronic resource]. – Access : http://www.mp3mixx.com/album/stewart_mary/the_crystal_cave-3817429

E.N. Chernozemova

**DOCTOR FAUSTUS IN ENGLISH LITERATURE.
MERLIN IN THE TWENTIETH-CENTURY LITERATURE**

The paper focuses on the “roundabout” evolution (term introduced by Yu. Tynyanov) of the image of Doctor Faustus in German literature (from German folk tales to J.W. von Goethe’s play) and in English literature. The paper provides a comparative analysis of the images of Faustus and Merlin. It analyzes the role the image of Merlin plays in K.S. Lewis’ “The Space Trilogy” (aka “Cosmic Trilogy”).

Trial of Knowledge, reception, role of an image, perception of another culture, readiness for perception, Faustian motif.